

И С Т О Р И Я

Сергей Шелин

СЕМЬ ВЕРСТ ДО НЕБЕС,
И ВСЁ ЛЕСОМ.

(Проблемы русской революции) x)

¹⁾ Окончание. См. "Часы" № 74

Не балуйся с медведем – задавит. Переходный период: рабочая демократия. 1920 – 1921.

Кризис начался осенью 1920 года. Толчком к нему стала относительная неудача в советско-польской войне. На несколько месяцев установился режим "рабочей демократии" – время оживленных споров и перестройки структур власти. Народное сознание снова политизировалось. Теперь общество было устроено проще, чем в 1917 году, – оно состояло из крестьян, городского плебса и чиновников. Политические требования тоже стали проще и ближе к установкам социального действия. Но антагонизм целей и дух гражданской борьбы пропитывали их по-прежнему. В этом сохранилась преемственность.

Крестьяне проявляли склонность к антигородским восстаниям под эсеровскими лозунгами. Городские рабочие требовали нового честного дележа: улучшения снабжения, уравнения пайков, ликвидации служебных привилегий и т.п.

Внутри партии этот низовой напор выразила Рабочая оппозиция. Особенно заметна она была в профсоюзах, где сохранялось некоторое представительное начало. Если деятели отстаивали партийную демократию как принцип, то Рабочая оппозиция показывала, к чему это могло привести на деле. Партию, по их мнению, необходимо было очистить от чуждых элементов – разного рода "интеллигентов", инопартийцев, выходцев из нерабочих слоев – и фактически слить с пролетариатом, приняв в ее состав основную массу промышленных рабочих. Такие меры, в сочетании с демократизацией выборов руководства позволили бы лидерам Рабочей оппозиции сильно потеснить партийную элиту.

Все эти мысли, высказываемые к тому же с плебейской простотой и прямотой, не могли не беспокоить подпольщиков, и так встревоженных авторитарическими тенденциями административных вождей, особенно Л.Д.Троцкого, со своей стороны пытавшегося "перетряхнуть" руководящий слой. Желание отиться под защиту аппаратной власти еще более окрепло. Оно вышло наружу, лишь только обозначились противоречия между вождями.

Политику милитаризации главные лидеры с самого начала

толковали не вполне одинаково. В.И.Ленин в общем соглашался сохранить прежние управляющие органы, ограничившись строгим проведением единоличия. Более радикальный Л.Д.Троцкий предлагал заменить их новыми. Старые и вновь создаваемые структуры /армии труда, политотделы и т.п./ существовали параллельно. Напряжение росло и наверху и внизу. Тут случилась неудача под Варшавой. Троцкий, ответственный за военные дела, естественным образом, оказался в фокусе партийного недовольства и был лишен реальной власти, как только Ленин от него отмежевался. Условия для этого создала так называемая дискуссия о профсоюзах.

События начались с второстепенного конфликта из-за старых и новых профсоюзных органов на транспорте. По его ходу оформился широкий антитроцковский блок, который и перевел спор в русло принципиальной дискуссии. Решающим моментом стало согласие В.И. Ленина номинально возглавить этот блок /платформу Десяти/. Фактическими лидерами там были партийные организаторы Г.Е.Зиновьев /автор платформы/ и И.В.Сталин. В ЦК сторонники платформы Десяти и объединенной платформы Троцкого - Бухарина разделились поровну. Но на местах антитроцковцы, подкрепляемые ленинской харизмой, были явно сильнее. Понимая это, они настояли на проведении выборов делегатов очередного партсъезда по профсоюзовым платформам. Кроме двух начальнических блоков в выборах участвовали и "низовые" течения - Рабочая оппозиция и группа Демократического централизма.

В марте 1921 года X съезд подвел итоги периода рабочей демократии. Абсолютное большинство делегатов поддерживало платформу Десяти. По ее списку был избран новый Центральный Комитет. Из Секретариата удалили троцковцев Н.Н.Крестинского, Л.П.Серебрякова и Е.А.Преображенского. Реальным главой аппарата сделался И.В.Сталин. Группа Троцкого попала в изоляцию. Часть прежних сторонников отошла от него. Съезд принял резолюцию о единстве партии. Все фракции и группы распустились. Делегаты легко смигались с тем, что стало уже очевидным для всех всаждей, - с необходимостью наладить сосуществование между режимом и крестьянским большинством. Продразверстку заменили налогом. Начинался НЭП.

Эти события надо толковать как явную победу подпольщиков - и не только над партийными низами, но и над государственной властью. Элита изжила разногласия, осознала групповые цели и смогла

проводить их в жизнь. Задачи элиты, как они понимались в ее среде, состояли в том, чтобы предохранить государство от развала, пойдя на широкие уступки крестьянам, но при этом удержать за режимом опорные группы и партийные массы, а подпольщикам гарантировать монополию на руководство.

Духовные итоги переходного периода оказались двусмысленными и в общем предопределили происшедшие через несколько лет кактаклизмы – второй социальный переворот и утрату элитой обретенного было полновластия.

В нравственном плане подпольщиков объединяла духовная миссия. Давление на себя сверху и снизу они осмысливали как попытку отнять у них право распоряжаться ею. Победа центростремительных сил в элите обозначила торжество этой моральной основы группового существования, иначе говоря, подавление миссионной идеей всех прочих ценностей. Собственно, только такой дух власти и мог побудить партийные и народные низы подчиниться ей, отказываясь от собственного социального сознания. Чтобы гарантировать воплощение миссии, как первый шаг, приняли концепцию партийного единства, а в дальнейшем окончательно восстановили традиционную /неполитическую/ государственную систему.

Миссионные чувства позволяли подпольщикам видеть в нэпе только тактический маневр. Поэтому внутрь нового государства /назовем его государством гражданского перемирия/ было заложено противоречие. В общественном пространстве сфера революционно-традиционного режима четко отделилась от крестьянско-нэпманской сферы. В первой – скрепляемой священной теперь идеологией – восстановились древние отношения между властью и народом. Официальная вера, основанная на идее партийной миссии, в большой мере стала проекцией в религиозную плоскость политических установок, ранее объединявших партию с опорными группами, и своим острием оказалась нацелена против второй сферы. Крестьяне и нэпманы оказались вне идеологии, находясь при том под ее гипнотическим влиянием. Устранение / почти боропотное/ этих слоев стало делом неизбежного будущего.

Тогда же подпольщики определили свой подход к системе личного правления. Отвергая вождя, склонного забрать права на миссию себе, они были согласны принять /и даже искали/ другого вождя – хранителя миссии для них. Могущество подобного лидера зави-

село бы от его умения оседлать эту стержневую партийную идею, формально не отнимая ее у элиты.

Пошел за большим, не жалей меньшего. Партийная эволюция: деполитизация, единство. Ленинизм. Троцкизм. После 1921.

Единство, осуществленное под флагом защиты партийной миссии, стало формулой перехода из политического быта в религиозный. Без единогласия элита не могла отстоять себя как группа. Но оно перекрывало все каналы для политической жизни. С принятием единства подпольщики вполне превратились в духовное сословие. Под защитой единогласия отстаивалась официальная, религиозная по своей сути идеология /будем называть ее идеиной нормой или каноном/.

Рабочую демократию после X съезда быстро свернули. Почти все конкурирующие группы видели в ней только преходящую фазу борьбы, способ создания условий для победы. Добившись успеха демократическим путем, победители должны были, ради его упрочения, эту демократию раз и навсегда упразднить.

Тогда же распустили небольшевистские левые партии. Хотя они и так пришли в упадок, их ликвидация стала отнюдь не формальным актом и обозначила твердый отказ от политической традиции. Непосредственной причиной здесь, как и в случае с внутрипартийными фракциями, было опасение, что их не удастся удержать на политической периферии. Внутренний же смысл заключался в наращившей силу тяге к духовной цельности режима. Можно было пока терпеть чуждый материальный уклад, но не духовную альтернативу.

Принцип единогласия затруднял какие-либо попытки пересмотреть канон. Обсуждение общих вопросов шире управления стало рискованным делом, своего рода покушением на единство элиты. Переход к нэпу оказался последним политическим решением. В дальнейшем все конфликты, заложенные в нэповскую систему, направились в религиозное русло. Со временем партийная миссия получила название "генеральная линия". Отправление генеральной линии стало своего рода священнодействием.

Сравнивая партийную полемику 1920 – 1921 и 1925 – 1927 годов, можно видеть, как изменилась духовная атмосфера. Это тем более наглядно, что в середине двадцатых годов для подпольщиков

еще сохранялась свобода слова. Дискуссии получили характер теологических споров. Они все больше сводились к взаимным упрекам в еретических отклонениях от канона и приобрели очень эмоциональную окраску.

После отхода В.И.Ленина от активной деятельности канон начинает называться "ленинизм" и быстро сакрализуется. Исповедание и толкование ленинизма оказывается важнейшей задачей партийных лидеров. Вскоре соперничество руководителей /до тех пор, пока они соблюдали принцип единства/ вполне освободилось от политических разногласий и протекало в плоскости чисто личной борьбы /как столкновения И.В.Сталина и Г.Е.Зиновьева в 1923–1925 годах/.

Зрелость новых установок проявилась уже в дискуссиях 1923–1924 годов с Л.Д.Троцким. Неумение Троцкого вписаться в ленинизм и явные попытки нарушить единство, создали условия для разгрома его группы. Шел быстрый процесс отлучения Троцкого от канона. Возникли представления об отличном от ленинизма так называемом троцкизме. Это понятие часто привязывают к "левым" и "демократическим" лозунгам Троцкого и его друзей в 1923–1927 гг.

Не стоит, однако, воспринимать оппозиционные платформы слишком буквально. Их выдвигали лица, уже оттесненные от реальной власти. В таких обстоятельствах программы диктовались логикой борьбы и потребностями тогдашней духовной обстановки. Глядывая деятельность Л.Д.Троцкого в целом, можно заметить, что единственным неизменным компонентом его концепции управления была собственная власть, по возможности не разделенная ни с какой организованной силой. Троцкизм – это личная власть Троцкого.

Троцкистская модель сильно отличалась от той, что воплотилась в 1921 году, хотя принципы ее построения тоже традиционны. Троцкий опирался на свой срез и преданность тех или иных партийных слоев, но привлечь к себе элиту целиком – не смог. Или скорее не захотел. Партия, и тем более партийная верхушка, в его глазах не имели самодавлеющего значения и должны были стать инструментом для выполнения верховых замыслов. Поскольку Троцкий стремился к деспотической власти, его политика в роли абсолютного правителя зависела бы от непредсказуемых личных желаний и, конечно, не поддается теперь однозначному прогнозу.

Вероятно, он пытался бы построить мощное военно-промышлен-

ное государство. В 1918–1921 годах практика Троцкого давала примеры методов любого рода – от террористических до фритредерских. Какие способы он бы избрал в дальнейшем? Может быть, новое социальное уравнение и административный нажим? Такой путь в истощенной стране быстро завел бы в тупик. Сам Троцкий с начала двадцатых годов, видимо, понимал это. Никакой альтернативы нэпу им не выдвигалось. Кстати, некоторая сложность социальной структуры вполне совместима с деспотическим правлением. Для такого властителя важнее всего правильно устроить отношения с элитой. Помешать появлению спаянных привилегированных групп вряд ли возможно. Главное – держаться от них на расстоянии и не дать им волотиться в единую касту. При военном коммунизме Троцкий неосмотрительно пробовал ослабить партийную элиту как целое. Полученный опыт, наверно, побудил бы его в дальнейшем стараться расщепить ее на несколько конфликтующих группировок. Став арбитром между ними, высшая власть могла получить очень широкую свободу решений.

На этом пути возможны разные модели социальной политики и самые различные аналогии – от Мао Цзедуна до И.Б.Тито. Одно ясно: такой автократический режим, видимо, воздержался бы от физического устранения целых низовых и элитных групп. И дело здесь не в надежде на доброе сердце Троцкого. Просто ему было бы невыгодно лишать себя тех или иных компонентов системы социального равновесия. Общество прошло бы через время персонального правления, сохранив кое-какой духовный потенциал, а значит, и внутреннюю способность к развитию.

Это, конечно, сегодняшние мысли. В начале двадцатых годов подпольщики могли и должны были рассуждать иначе. Успех Троцкого обещал им многое неопределенного. Они предпочли определенность, впрочем, как потом оказалось, в некотором смысле обманчивую.

Поскольку речь зашла об альтернативных моделях развития, то надо что-то сказать о ленинской модели. Но как раз о ней известно довольно мало. До профсоюзной дискуссии у В.И.Ленина и Л.Д.Троцкого не видно качественных различий в философии управления. Во время и после дискуссии Ленин выступал как сторонник и защитник единства партийных верхов. Чувство неотрывной связи с подпольщиками было в нем очень сильно, и он не мыслил себе революционный режим без их главенства. Поскольку партийная

власть стала тогда отчетливо выше государственной, Ленин, как глава последней, много потерял в своем влиянии. Одновременно, правда, выросла его роль главного духовного авторитета.

В 1921-1922 годах наметилась конкуренция двух партийных властей — духовной и аппаратной. Это соперничество успело пройти лишь начальную фазу, а потом прервалось болезнью и смертью Ленина. Об относительной силе идеологической и организационной власти уже говорилось. Ленину, если бы он смог продолжать работу, предстояло решать трудные проблемы.. Видимо, он постарался бы устраниć самых влиятельных лидеров аппарата, и в первую очередь — И.В.Сталина. /Как это намечено в письме к съезду/.

Из того же документа видно, что в конце жизни он рассматривал себя как некую духовную силу, охраняющую единство коллектива подпольщиков и не допускающую персонального преобладания кого бы то ни было. Поэтому он даже неставил вопрос о каком-либо единоличном преемнике. Кажется, в этом духе можно истолковать и его предложение /в обыденном смысле не очень практическое/ ввести в ЦК сто рабочих-подпольщиков. Видимо, они призваны были стать ленинским коллективным наследником, взять на себя его роль.

Если бы Ленин и дальше управлял как духовный лидер элиты, нэп, возможно, тоже свернули бы когда-нибудь. Это могло произойти в более мягких формах, но сам путь индустриализации и коллективизации довольно отчетливо диктовался сакральной государственной идеологией. Впрочем, нельзя исключить и того, что Ленин, с присущими ему решительностью и внезапностью попытался бы изменить идеологию и даже государственную модель, как он это несколько раз делал в прошлом.

Уход Ленина отдал идеологию элите, сделал ее не только административно, но и духовно полновластной. В те годы идеологический канон меньше, чем когда-либо, зависел от отдельных лиц и определялся равнодействующей устремлений всей совокупности подпольщиков. Бряц ли стоило расчитывать, что они сумеют достаточно осторожно им воспользоваться.

Не сжигайте урожай, не насилийте женщин. Гражданское перемирие. Нэп и духовный канон. После 1921.

С наступлением мира подъем хозяйственной, в первую очередь промышленной, мощи считался главнейшей задачей. Однако индустриализация была скорее духовной категорией, чем утилитарной. Ее отправляли как священное действие. Цифры материального роста стали важнейшим атрибутом власти. Но хотя хозяйственные проблемы были у всех на устах, в этом не следует усматривать интерес к экономическим целесообразным решениям. Правда, один аспект промышленного строительства, а именно – несобходимость увеличивать военную мощь государства – будучи вполне сакральной задачей власти, все же требовал реальной отдачи от индустрии, а значит и предполагал некоторую ее автономию от духовных требований. То же самое можно сказать и о сопутствующих промышленности социально-образовательных структурах, чье развитие диктовалось не только ритуальными, но и прагматическими соображениями.

Здесь /а также в некоторых других областях/ обозначилось принципиальное неумение канона подчинить себе жизнь всесело. Отсюда общее впечатление некоторой его неорганичности. Постоянно взаимодействуя с неканоническими ценностями, идеальная норма не могла стабилизироваться и всегда пребывала в развитии.

Создание великой социалистической державы провозглашалось как священная цель. Благоговейные чувства сосредоточились на государстве, главной ипостасью которого была тогда партийная власть, а сердцем последней – партийная элита. Великая стройка давала смысл и лишениям рядовых работников, и подвижническому труду подпольщиков на служебных постах. Успехи в этом деле умели горечь отказа от материальных и духовных благ, неудачи – провоцировали социальную нестабильность на всех уровнях. Поэтому надо было предохранить себя от неуспехов, а если это невозможно, то найти им надежных виновников.

Главными объектами священной вражды оказались частновладельческие уклады в деревне и городе. Разумеется, духовная обстановка в любой момент могла потребовать назначения новых целей – вместо прежних или дополнительно к ним. Такие роли исполняли партийные оппозиционеры, вредители, позднее космополиты и т.д. Враждебность к нэпманам и зажиточным крестьянам давала

выход исконным деструктивным чувствам городских низов и деревенской бедноты.

Понятно, что при такой структуре канона исключалось даже временное торжество экономической целесообразности. Идеология жестко ограничила сельских хозяев и нэпманов от остального населения. Это закрепляло традиционное представление о них как об антисоциальных элементах. В изоляцию попали самые прибыльные уклады. Перекрывался главный при товарной экономике источник инвестиций в промышленность.

Впрочем, целостный рыночный механизм при нэпе не был, да и не мог быть создан. Группа, отправлявшая власть, взятую и удерживающую силой, плохо воспринимала экономические методы, согласительные по самой своей сути. Они оставались для нее временными незаконченными мерами, отказ от которых сам по себе указывал на успех в реализации идейной нормы. В первые несколько лет, пока шло восстановление хозяйства, заложенный в нэп конфликт не был слишком острый, но позднее, когда стала актуальной проблема накоплений, он вышел на передний план. Частным укладам предстояло лежать искупительной жертвой на алтарь священной индустриализации.

Пошел в попы, служи и панихиды. Чиновники и духовный канон. Активисты. Государственное устройство. После 1921.

Новый государственный культ состоялся из разных частей. На передний план вначале вышли социально-политические установки большевиков и шедших за ними групп. Теперь они воспринимались как чисто религиозные постулаты. Под этими ценностями находился более мощный слой чувств патриотической привязанности народа к власти. По тогдашним условиям патриотизм выражал себя как вера в национальное социалистическое строительство. Государство имело право корректировать культ, а культ был внутренне приспособлен к переменам. Препятствием этому стал коллективный разум подпольщиков, тесно привязанный к задачам партийной миссии.

Освободившись от помех, чинимых политическим сознанием, понятие миссии приняло характер сугубо религиозной идеи, своего рода завета между народом и партией. Элита обещала предosta-

вить в будущем земной рай, а взамен получала повиновение низов. Именно миссия формировалась групповое достоинство подпольщиков, давала уверенность в себе и в своем праве на власть. Каждый из них чувствовал себя духовным лицом, носителем и в какой-то мере источником государственного культа. Любое покушение на этот культ колебало мироощущение подпольщиков и весьма ревниво воспринималось в их среде. Поэтому они инстинктивно поддерживали рост религиозных чувств, что с одной стороны упрочивало революционный уклад жизни, а с другой — углубляло разрыв между идеологией и практикой управления.

Основы нэпа размывались. Священная вражда к частным владельцам грозила перейти в священную войну. Гражданский мир был невозможен, хотя бы из-за отсутствия признанного лидера,ющего обуздать стихию конфликта. Элита, конечно, не хотела видеть над собой такого лидера. По этой причине она отвергла Л.Д. Троцкого. Но из единства, тем более при все растущей сакрализации власти, обязательно должна была вырасти автократия, хотя и не того типа, что предлагал Троцкий.

Пока же /до 1925 года/ существовало коллективное руководство. Номенклатурная система гарантировала статус подпольщиков. Каждого члена элиты занесли в номенклатурный список того или иного уровня, что отвечало присвоению ранга знатности или воинского звания. Назначение на должность зависело от списочного статуса чиновника. Номенклатура /ее/ придумал, кажется, И.В. Сталин/ в благоприятном для подпольщиков смысле милитаризовала их и помогала им, наконец, принять другой военный принцип — единонаучалие во всех правящих органах. Правда, к идее — тоже военной — отставки за выслугой лет элита оказалась совершенно не восприимчива. Такой миссионный максимализм, в сочетании с молодостью подпольщиков, очень мешал новым людям продвигаться по службе. А их становилось все больше.

Рабочая оппозиция уже показала, как опасен отрыв от опорных групп. Теперь нашли духовно-административный заменитель прежнему политическому сотрудничеству с ними. С 1924 года в партию массами принимали рабочих и бедных крестьян. Новые партийцы /назовем их активистами/ частью сохраняли прежние свои занятия, частью замещали места в низовых звеньях аппарата управления. Это давало выход народной активности, не затрагивая до поры интересов элиты. Попало в партию и сколько-то выходцев

из обеспеченных слоев /в основном, через государственный аппарат/. Но они не стали носителями альтернативных ценностей. Напротив, неуверенность в собственном положении делала их особенно послушными.

Новые партийцы выказывали куда больший, чем подпольщики, идеиний динамизм, и безболезненно принимали диктуемые сверху изменения в официальной доктрине. Возникает даже соблазн противопоставить "принципиальных" подпольщиков "беспринципным" активистам. Конечно, новые люди, прияа в правящую партию, не чурались узколичных задач, но решительное обособление таких целей от всех остальных стало заметным гораздо позже /примерно, в 50-е - 60-е годы/. До этого же чиновники давали много примеров мученического служения государству. Объяснение надо искать в другом.

Официальная писаная идеология не вполне совпадала с действующим государственным культом, многие установки которого не записывались, не произносились вслух и часто даже не осмысливались. Старые большевики, хотя и не в одинаковой степени, но чувствовали ответственность за все аспекты культа, в том числе и формальные. Новые большевики /вместе с народом/ гораздо меньше увлекались словесной стороной дела. Наружные элементы идеологии, будь то лозунговая коммунистичность, культурные одежды режима или правила отношений с несоветским миром, они воспринимали как дежурные формулы, очередная смена которых есть суверенное изъявление высшей воли. Духовная обязанность паства - благоговейно повиноваться ей. Какое-либо мудрствование равносильно кощунству. Зато от истинных для себя моральных основ активисты не отрекались никогда. Во всяком обособлении от государства, в любой материальной или духовной самодеятельности они видели покушение на святыню и давали им самый твердый и бескорыстный отпор. В двадцатые годы этот нравственный принцип выражал себя в неприятии нэпманов и кулаков. Но свою жизнеспособность - при всех метаморфозах формальной идеологии - он сохранял и дальше, вплоть до наших дней.

В системе правящих институтов после 1921 года установилось, наконец, явное структурное преобладание партийной власти. Гражданские и хозяйственные аппараты еще больше разделились, отдав при этом часть своих прерогатив партийным ~~принципиальным~~ органам разного уровня. Внутрипартийная власть /наделенная высшим ран-

том святости/ строилась по вертикальному принципу. Горизонтальные связи /здесь ослабели.

Прежде партийные организации свободно сносились между собой. Петроградцы, к примеру, очень активно вмешивались в ход профсоюзной дискуссии по всей стране. С ростом влияния центра это стало невозможным, что уже вполне ощутила Ленинградская оппозиция 1925 года.

Рядом с партийной были хозяйственная и гражданская власти /тоже партийные, но с пониженным священным рангом/, из которых первая имела целостную вертикальную структуру, но подчинялась верховному, да и местному партийному руководству. Гражданская власть не составляла единого организма и скорее имела вид лиан, на разной высоте оплетающих партийное дерево.

Военные и карательные структуры сохранили некоторую автономию. Правда, раньше армейский аппарат был одним из самых /или самым/ больших, и запускал свои щупальца во многие сферы гражданской жизни. Теперь его замкнули в чисто военные рамки и сократили во много раз. На обширной периферии власти подвизались полупрофессиональные аппараты профсоюзных, молодежных и прочих массовых организаций.

Создалась система управляющих структур, — с весьма неопределенными горизонтальными связями и часто неясной иерархией, — безусловно подчиненных только партийным инстанциям. Несколько слоев внешней власти окутали внутрипартийную, оберегая ее священный ореол.

Искали топор, а он за поясом. Внутрипартийная борьба. Сталин. 1921–1937.

Подпольщики старались так устроить управление, чтобы их монопольный статус был надежно защен от любых посягательств. Они военизовали партийную структуру и постепенно подготовились к принятию единоначалия на самом верху. Надо было еще подобрать подходящего человека и обставить его власть всякими ограничениями.

Организующие импульсы элита получала от своего становового хребта — аппарата. В 1922 году эта аппаратная система была увенчана единоличным руководителем. Новоучрежденный титул Генерального секретаря получил И.В.Сталин. А через несколько ме-

дев В.И.Ленин окончательно отошел от дел. Но Генеральный секретарь пока не главенствовал в государстве. Коллективным правителем было Политбюро, а точнее – триумвират Зиновьев–Сталин–Каменев. Это объединение сложилось в борьбе с Л.Д.Троцким и существовало до 1924 года. Составив большинство в Политбюро, триумвиры успешно отправляли власть, не давая пока друг другу чесчур усилиться.

Промахом Г.Е.Зиновьева и Л.Б.Каменева была недооценка возможностей сталинского поста. Сама по себе потребность в аппаратном начальнике к тому времени больших сомнений не вызывала. Последний раз члены ЦК всерьез обсуждали проект группового руководства партаппаратом летом 1923 года на таинственных совещаниях в кисловодских пещерах, но разговоры эти ничего не изменили.

Интерес И.В.Сталина к единовластию стал заметен довольно скоро. Однако Г.Е.Зиновьев, отставая на один ранг аппаратной знатности от Генсека, все же предполагал играть роль хотя бы не меньшую, чем он. Зиновьев надеялся на свое превосходство в харизме, в способностях идеолога и на то, что по линии Коминтерна он был формальным начальником Сталина.

Любопытно, что успехи в государственных делах мало влияли на отношение сил обоих вождей. В этом отличие внутрипартийных лидеров от администраторов. Авторитет Троцкого, например, был очень сильно связан с перипетиями военных действий. Неудачная польская война стоила ему карьеры. Зато Stalin, выступивший в той же кампании как крупный, но неудачливый полководец, и Зиновьев, который, увлекшись профсоюзной дискуссией, упустил из виду события в Кронштадте, – оба не только избежали ущерба, но именно тогда заняли первые места в партийной иерархии.

Лояльное сначала их сотрудничество скоро перешло в борьбу. К 1925 году верх взял И.В.Сталин, еще неизвестный как идеолог и лишенный до того времени харизмы. Организационные полномочия Генерального секретаря сильно помогли ему. Но победа Сталина была бы невозможной, если бы в глазах подпольщиков он лично не выглядел наилучшим кандидатом.

Зиновьеву /как и Троцкому/ безусловно мешало еврейское происхождение, а также приметные честолюбивые наклонности. В пользу Сталина говорила биография человека, вышедшего из подполья. Это предвещало доброжелательное отношение к партийной элите.

Его достоинствами были также скромность, отсутствие ореола, слабые идеологические задатки.. Совокупность таких качеств могла ограничить автократизм, которого так опасались подпольщики. Правда, став ~~принципиальным~~ правителем, Сталин быстро приобрел ореол и права верховного идеолога. Но все же власть его в то время, да и в дальнейшем, оставалась довольно умеренной.

Источником сталинской монополии был мощь партийной элиты, доверенным лицом которой он выступал. Это ограничивало его авторитет и предопределяло линию поведения. Обычный путь независимого харизматического лидера был закрыт для него: ни по должности, ни по авторитету он не мог стать арбитром конфликтующих привилегированных групп. Оставался один способ увеличения власти - наращивать силу аппарата. Централизация была желательна и для подпольщиков, поскольку закрепляла партийное единство, тем более для них ценное, чем выше становился уровень подвижнических миссионных настроений. Конечно, Генеральному секретарю все время приходилось заботиться о подъеме подобных чувств.

На партийном фронте Сталин искусно разъединял своих возможных соперников, и даже, бывало, сотрудничал с явными конкурентами /например, с Троцким против Зиновьева в 1925 году/. Но долго сохранять равновесие между фракциями ему не следовало, и он подвергал их разгрому одну за другой. Подпольщиков-функционеров наказывали строго - вплоть до полного изгнания с государственной службы. Явно страдала внутренняя спайка элиты, но ее большинство поддерживало суровые меры, видя в оппозиционерах нарушителей партийного единства. Вообще, кампания увольнений многим нравилась: можно было поделить между собой освобожденные посты.

Нет нужды объяснять такой ход событий какими-либо личными чертами Сталина. Элита сама пошла по военно-религиозному пути. Генеральный секретарь только возглавил это движение и, что вполне естественно, постарался направить его в полезную для себя сторону. В середине двадцатых годов было еще возможно восстание функционеров. Сталина могли лишить должности, если бы захотели. То, что это не случилось в 1926 году при выступлении оппозиционного блока, говорит о доверии к нему партийного большинства.

Объединенная оппозиция 1926-1927 годов не охватила людей

реальной власти, так и оставшись союзом лиц, в разное время и по разным причинам отторгнутых от режима. Оппозиционеры решились нарушить традицию единства, которую до этого более или менее соблюдали, и открыто объявили духовный разрыв со сталинским большинством. Борьбу вели всеми способами: политическими /сталинцы подняли партийных аутсайдеров против аппарата/ и религиозными /упрекали оппонентов в различных ересях – национальном уклоне, снискходительности к кулакам и др./.

Обсуждения шли в весьма драматической обстановке, а результаты их для оппозиционеров оказались печальными. Несмотря на многочисленность среди них подпольщиков и на то, что во главе стояли три члена старого Политбюро /Троцкий, Зиновьев, Каменев/, отказ от единства сразу поставил их вне элиты и вне государственной власти. Деполитизированные партийные низы хранили верность начальству и вообще мало интересовались дискуссией. Изоляция была глубокой с самого начала.

В духовных спорах оппозиция довольно опрометчиво осуждала "национальную ограниченность" сталинцев, их "немарксистское" желание строить социализм без мировой революции. Любопытно, что Л.Д.Троцкий и другие, по крайней мере, с 1920 года в практических делах держались того же курса. Теперь, потеряв власть, они упрекали своих преемников в неортодоксальности, не понимая, что делают ставку на устаревшую и подлежащую замене часть догматики.

Оппозиция невольно помогла Сталину дебютировать в качестве идеолога – автора теории строительства социализма в одной стране. Stalin оказался достойным начальником элиты, соединив ее миссионные чувства с народным патриотизмом.

Другой оппозиционный аргумент – кулацкий – в глазах партийцев был куда более весом. Он не заключал в себе социальной альтернативы нэпу, но имел смысл духовного осуждения сталинского pragmatизма. Эта критика задевала самые сокровенные религиозные чувства партийцев. Ответом на нее могла быть /и была/ только безупречно строгая государственная политика в деревне, которая вскоре далеко опередила самые смелые предложения Троцкого.

Ход событий показал, что российская власть вернула себе древние качества и вновь стала высшей сакральной силой. Любой рода политические или духовные атаки против нее терпели неудачу.

ч. Попытки использовать ореол бывших вождей подтвердили, что без власти в России нет ореола.

Напоследок оппозиция создала собственные контрпартийные организации и обратилась с горькими и вполне безуспешными призывами к городским массам. Тогда государство применило репрессии. Завершением эпопеи стало официальное раскаяние абсолютного большинства оппозиционеров. С 1928 года никто в партии уже не решался открыто нарушить единство.

Дискуссии привели не только к моральному краху раскольников, но и к серьезной деформации морали лояльного большинства элиты. Можно ли было обойтись без партийной борьбы? Безусловно, нет. Вряд ли стоит объяснять раскол одним честолюбием неудачливых вождей. Любые изменения партийного устройства и партийного духа – а перемены в двадцатые годы были фундаментальными – не могли одинаково удовлетворить всех подпольщиков. На разных этапах партийной власти созревали конфликтные ситуации примерно того же типа, что и в Политбюро. Некоторым не нравились某些 новшества, другим – формы их введения, многим – собственные места в новой иерархии. К этому надо прибавить привычку открыто отстаивать свое мнение и не забыть с подпольных времен готовность к лишениям и жертвам. То, что раньше возбудило бы политические дискуссии, теперь приняло форму религиозного раскола. Странной скорее покажется не борьба оппозиционеров, а последующая их капитуляция.

Желание сохранить остатки служебного благополучия было здесь только внешней причиной. Выход такого мотива на первый план сам стал результатом эволюции личности, общей для всех подпольщиков, – оппозиционных и лояльных. Политическая партийная идея в их сознании уже превратилась в сакрально-государственную. Бывшие бунтовщики потеряли всякую духовную автономию и не мыслили себя вне официальной службы. Заметно уменьшился их греческий перевес над активистами. Из источника власти подпольщики превращались в покорных ее чиновников. Внутренние связи между ними ослабели, зато канон закалился и отвердел.

Слабый народ – сильное государство.
Священная вражда и священная война.
Второй социальный переворот. Перегибы.
1928 – 1933.

Социальное развитие страны все хуже вмешалось в канонические рамки. В середине двадцатых годов закончилось восстановление экономики. Крепкие крестьяне могли одновременно расширять свое хозяйство и оплачивать государственное промышленное строительство. Но подъем частного сектора вызывал неодобрение всех слоев, охваченных духовным каноном, – и не только большинства горожан, но и бедных сельских жителей. Государство видело в фермерах соперников, а не партнеров, и не могло наладить экономических отношений с ними.

Канси требовал быстрого промышленного роста и при этом запрещал развитие частных укладов. Поэтому одновременно пытались решить две противоположные задачи – ограничения крепких хозяйств и добывания из них наибольшего дохода.

Можно ли было одолеть этот конфликт, не отказываясь от товарной экономики? Абстрактно рассуждая, выходом стало объединение фермеров в идеально приемлемые кооперативы. Однако, проводимая в добровольных, "чаяногских" формах, эта политика могла привести /точнее сказать, уже приводила/ не к смягчению, а к росту социальных конфликтов. Кооперирование зажиточных выталкивало из деревни бедные непроизводительные элементы. В тогдашней накаленной атмосфере все более предосудительным становилось любое предпринимательское преуспечение – не только личное, но и групповое. Едва ли партийная власть могла взять сторону кооператоров против своей опоры в деревне – революционных сельских бедняков.

1925 год был, вероятно, вершиной нэпа. Дали кое-какие поблажки кулачеству. Эти небольшие отклонения от канона вызвали тревогу в партии и вместе с тем не принесли заметного материального эффекта. С 1926 года увеличивали налоги и поддерживали невыгодные для производителей цены на зерно. Дефицит промтоваров лишал стимулов зерновое хозяйство. Ухудшилось снабжение городов. Поступления средств в казну были недостаточны. Естественный ход событий подвел к социальному кризису. Необходимость

решительных мер стала очевидной всем руководителям.

Иногда говорят, что И.В.Сталин едва ли не навязал стране колLECTIVИЗацию. Это не совсем правильно. Действия Генсека диктовались его положением главы партийного аппарата. Какой-либо пересмотр канонических установок ради сохранения нэпа или даже простая задержка с воплощением их в жизнь грозили нарушить единство и вновь политизировать партию. Было бы ослаблено влияние аппарата, а тем самым и лично Сталина. Последние партийные оппозиции подтвердили реальность такой угрозы. Настаивая на продолжении нэпа, Сталин скоро оказался бы всего лишь лидером одной из борющихся за власть группировок. А в сфере политической борьбы он безусловно уступал многим своим конкурентам. Обстоятельства указывали ему иной, верный путь: выступая в роли гаранта и хранителя единства, возглавить новый тур социальной революции. Такой курс обещал ему сплоченную поддержку партийного большинства и рост личной власти.

На первых порах /до середины 1929 года/ новая линия напоминала политику военного коммунизма. Показав сомневающимся, что усиленное обложение частников само по себе не дает желаемых результатов, Сталин затем /в 1929–1932 годах/ полностью упразднил частновладельческие уклады.

На партийном фронте он в это время преодолел сопротивление так называемых правых уклонистов /к ним отнесли Н.И.Бухарина, А.И.Рыкова, М.П.Томского, а также Н.А.Угланова и др./ Собственно говоря, необходимость административного наступления на имущих не оспаривалось в партии почти никем. Еще на XУ партсъезде /декабрь 1927 года/ Рыков недвусмысленно выступал в его пользу. Но "правые" предполагали обойтись без лишнего кровопролития, провести экспроприацию в щадящих формах. В будущей хозяйственной системе они хотели сохранить кое-какие элементы нэпа: частичную самостоятельность производственных единиц, мельчайшее частное предпринимательство и т.п.

За умеренные темпы перемен стояли некоторые экономические лидеры, а также многие привилегированные аппаратчики /главным образом, в московской партийной организации/, обеспокоенные ростом сталинского автократизма и предстоящей встрыской партийной структуры. Нарушить единство они не решились. Дело ограничилось спорами на закрытых заседаниях и неодобрительными

кудуарными разговорами. "Правый" бунт аппарата не состоялся, так же, как до этого - "левый".

Имея на своей стороне силу канона, а значит и элитное большинство, Сталин легко победил уклонистов, и тем самым избавился от группы чересчур влиятельных и независимых сановников. Коллективизацию провели в сталинских формах - жестких и неумолимых, сопровождая ее репрессиями, массовыми высылками и плановым голодом. Взятые из деревни материальные и людские ресурсы были направлены в промышленность, переведенную под строгий административный контроль.

В это время впервые широко выявляются особенности личного стиля И.В.Сталина - его непреклонная твердость и крайняя суровость. Но сама возможность для демонстрации этих черт, которыми он, конечно, обладал и раньше, была связана как с объективным раскладом сил в обществе, так и с рациональными целями, которые лидер мог перед собой поставить.

Общественный климат располагал к самым крайним революционным мерам. Чтобы понять состояние умов, достаточно вспомнить обстоятельства разделов и переделов на первом этапе революции. Крестьяне с самого начала чувствовали условный характер своего владения землей и не могли всерьез противиться государству, когда оно решило взять ее себе. В смысле восприимчивости к канону зажиточные хозяева не так уж отличались от бедняков. Большинство из них было морально готово подвергнуться экспроприации. Легкой добычей оказались и городские предприниматели.

Ликвидация нэпа не стала утилитарным государственным актом, но осуществилась в едином потоке административного и массового действия. Власть и опорные группы выказали ту же решительность и непримиримость, которые всегда отличали социальную борьбу в России. В этом смысле "революция сверху" была вполне традиционной по форме, хотя объектами экспроприации стали те слои, которые немногим ранее сами были экспроприаторами. Так называемые перегибы /чрезвычайно суровое обращение с кулаками, полное изъятие имущества и т.п./ сбываются постановкой задачи коллективизации, а не какими-либо сталинскими капризами. Поскольку передел шел теперь в пользу государства и более или менее ущемлял всех деревенских жителей, то рядовые участники кампании - сельские активисты и антикулацкие настроенные бедные

крестьяне – именно в "перегибах" находили моральное и отчасти материальное удовлетворение.

Применительно к внутрипартийным делам "экстремизм" Сталина тоже имел рациональную основу. Здесь перед Генсеком стояла весьма деликатная задача. Чтобы увеличить собственную власть, ему приходилось расширять могущество аппарата. Но с той же самой целью, упрочивая аппарат как институт, он должен был всячески ограничивать спайку и самостоятельность составляющих его лиц. Наилучшим способом было ускоренное осуществление канонических целей, и притом в максимально острых, внешне даже непрактичных формах.

Возможности Сталина сильно расширились уже благодаря самому факту ликвидации нэпа. Кара, постигшая тех, кто своим существованием бросал вызов власти, была воспринята всеми как священный миростроительный акт и доставила вождю такой ореол, которого до него не имел даже Ленин. Так называемый культ личности возник именно в 1929–1930 годах.

Тогда же Сталин приобрел очень ценную монополию на прагматизм. Решительно подталкивая аппарат к экстремистским действиям и строго пресекая любые прагматические поступки чиновников как противоречащие канону, он оставил за собой и только за собой право разумного вмешательства в стихийный ход событий. Уже в 1930 году Сталин осудил "перегибы" и упрекнул аппарат в "головокружении от успехов". С тех пор и до самой смерти он выполнял обязанности мудрой и гуманной преграды слепому рвению чиновников. Некоторая иррациональность действий Сталина вообще была для него полезна. Загадочные и непредсказуемые поступки правителя, все более конфиденциальные процедуры принятия решений быстро увеличивали дистанцию между ним и подпольщиками.

Решив неотложные миссионные задачи, Сталин выбрал моральную почву у элиты из-под ног. Ее спайка теперь обеспечивалась личными связями и кастовой солидарностью. Для ослабления последних тоже принимались меры. Чиновникам настойчиво прививали культ государственных институтов, одним из которых стал теперь Сталин, а также комплекс вины перед властью.

Этот комплекс отличал новый официальный культ от древнего. Общая восприимчивость к нему очень характерна. Более развитое, рефлексирующее сознание уже не могло целиком восстановить бес-

штостный "детский" подход к ~~и~~ власти. У людей сохранилась подследная память о прежней духовной самостоятельности. Подавлять ее стоило всем сильного внутреннего напряжения. Не удивительно, что взаимные чувства подданных и режима имели патологическую окраску.

Все подпольщики, в том числе и незапятнанно лояльные, чувствовали, что их бывшее политическое сознание и бывшая политическая деятельность составляют неискупимую вину перед властью. В моду вошли своеобразные покаянно-обличительные шоу, на которых провинившиеся чиновники под крики сослуживцев публично раскаивались и разоблачали друг друга. Постоянно проходя через обличительные процедуры, авторитетные в прошлом партийные лидеры быстро теряли лицо. С начала тридцатых годов кампания осуждений стала непрерывной. Общее в ней участие на ролях то осуждающих, то осуждаемых эффективно разрушало элитную спайку.

Народ усердно исповедовал культ власти, выступавшей в двух равновеликих ипостасях – общепартийной и персонально сталинской. На забытую уже высоту вернулось чувство морального долга перед государством, укрепился его приоритет перед всеми иными нравственными обязательствами. Это побуждало к жертвенному труду для государства, и в то же время отодвигало на второй план внеслужебные этические императивы, которые поэтому несколько смягчились.

Есть соблазн преувеличить такое смягчение. К этому толкает сам сюжет. Речь все время идет о государстве. Поэтому невольно искается нравственная перспектива событий, и может показаться, будто в годы революции люди сильно изменились. На самом деле сильно изменилось только их поведение на общественном поприще, которое в быту рядового человека не занимало большого места. Житейские привычки в основе остались прежними. Важно другое. Даже маленькие перемены в нравах маленьких людей приводили к очень крупным переменам в стране и, возвращаясь к людям обратно, часто преображали их жизненную обстановку.

Во всяком случае, человеку теперь было легче пойти на аморальные в традиционном смысле поступки, чтобы добиться тех или иных личных целей. Недругов, например, можно было обвинить в каких-нибудь провинностях перед властью. Открытые и тайные разоблачения довольно широко практиковались на всех общественных

уровнях, особенно в партии, где активисты все сильнее напирали на подпольщиков.

Крепка рать воеводою, тюрьма огородою.

Внутрипартийная борьба: подпольщики и активисты. Сталинизм. После 1929.

Ликвидировав нэп, подпольщики выполнили задачу, которую поставили перед собой, и теперь, желая вкусить плоды победы, превращались в главную консервативную силу. Над ними был Сталин с группой ближайших сподвижников, под ними активисты, еще ниже — атомизированные народные массы. В активистах, по-прежнему впитывавших в свою среду все энергичные, предприимчивые элементы из народа, копилась и искала себе нового выхода энергия социального действия. Они начали проявлять себя как контрэлиты. Безусловно, средний активист не был похож на дореволюционного большевика-подпольщика. Это молодой человек лет тридцати, отличившийся на промышленной стройке или при раскулачивании, чаще всего мелкий чиновник административной, комсомольской или низовой партийной службы. Кое-как образованный на рабфаке или в партийной школе, он исполнителен, нередко трудолюбив, бытовыми навыками близок к народу, склонен к простым увеселениям и не сомневается в божественной природе Сталина.

Активист — не социальное существо и не ставит ~~ши~~ интересы своего слоя выше личных. Его близость с другими партийцами невелика, хотя для пользы дела он обычно объединяется с ними в не очень больших и не очень прочных группах. Главные моральные связи у него — с родственниками и верховной властью, которой он предан до самоотверженности. Его мышление аполитично. Смысл его жизни — служебная карьера.

Свои нравственные принципы активисты в неоформленном виде принесли снизу, из опорных групп. Делая в партийной и социальной борьбе ставку на эти ценности, И.В.Сталин заботливо укреплял их, очищал от всего лишнего и к началу тридцатых годов соединил в цельную духовную систему, которую в его честь можно назвать сталинизмом.

Сталинизм не есть теория революционных действий. Самы такие действия до единовластия Сталина и при нем совершались, главным образом, в силу естественного, персонально независимого

хода событий. Сталинизм – это стиль управления в условиях кризиса, совокупность эмпирически найденных и не всегда даже сознательно применяемых методов, имеющих целью законсервировать обстановку социальной деструкции и культа священной власти. Он мирится с наличием привилегированной служилой прослойки, но усмиряет ее с помощью тщательно разработанной системы провокаций и поощряет самоистребительные процессы в ее среде.

Сталинский стиль подразумевает воспитание безоговорочной преданности святому правителю и святому государству, и одновременно мистического трепета перед ними, парализующего личной воли. Умерщвление части подданных оказывается почти неизбежной мерой для развития в остальных своеобразного гипнотического состояния.

Сталинизм проявляет себя не столько в социальной структуре сталинского государства /она не так оригинальна/, сколько в сознании людей, которое становится невосприимчивым к неофициальным идеям, боится перемен, самостоятельных действий и т.п. Сталинизм как общественный феномен вырос на почве исконных антииндивидуалистических и государственных ценностей. Этим объясняется устойчивая интимная привязанность к Сталину многих простых людей.

Сталинизм часто сравнивают с троцкизмом. Сходство очевидно. Но есть и различия, притом очень важные для общественных судеб. Автократическое правление невозможно без харизмы лидера. Ореол Л.Д.Троцкого возник на первом этапе революции. Сталинский ореол мог появиться только на новом этапе. Поэтому Сталину, в отличие от Троцкого, второй социальный переворот был жизненно необходим.

И далее рост сталинской власти мог идти только длинным и болезненным путем. Даже в тридцатые годы Stalin очень сильно зависел от партийного аппарата, чье единство до этого сам был вынужден укреплять. Естественно, он начал думать о полной замене элиты, что для Троцкого вряд ли оказалось бы целесообразным.

Пожалуй, лишь в 40-х и 50-х годах сталинское правление приблизилось к тому типу власти, которого добивался Троцкий. Автономия правителя выросла, и он начал более уверенно маневрировать между элитными слоями. Но "родимые пятна" прежних лет то и дело давали себя знать. Сталинизм оформился как реакция на

власть партийной элиты, ему был чужд партнерский дух. Даже в новой, благоприятной обстановке он отторгал любые формы лояльного сотрудничества. Генсек так и не научился смягчать свою опалу. Альянс вождя с чиновничьей группировкой заканчивался умерщвлением ее членов /Ленинградское дело/.

Рады ли они каждой жертве тяжкой? Заговор.
Чистки. Новая элита. После 1933.

Хотя в тридцатые годы подпольщики своими нравами уже мало отличались от активистов, сам общественный статус делал для них неприемлемым один из аспектов сталинизма, а именно – враждебность ко всякой организованной элите. В верхних звеньях аппарата копилась тревога. Страх перед Сталиным, угрожающее поведение партийных низов и социальные трудности 1932–1933 годов несколько политизировали этот слой. Делались попытки оказать давление на вождя.

Правитель должен был выбирать между элитой и контрэлитой. Сохранение блока с подпольщиками означало курс на социальную стабилизацию. Но отказ от сложившегося уже способа управления, собственно, отказ от сталинизма, сулящий в будущем ограничение личной власти, вряд ли был приемлем для Сталина. Ход событий, да и собственный темперамент, подсказывали ему другое решение.

Все же он колебался известное время. Перед второй пятилеткой было улучшено руководство экономикой, немного смягчили народные повинности. Только в 1934 году Stalin окончательно решил умертвить своих бывших друзей. В необходимости этого его убедили события вокруг XУП партсъезда.

Произошел, по сути дела, тот самый бунт функционеров, который не состоялся ни в 1926, ни в 1929 году. Генеральным секретарем пытались сделать ближайшего сталинского сподвижника С.М.Кирова. Успех переворота привел бы не просто к замене одного лидера другим. Смещение сакрального вождя неизбежно должно было повлечь глубокое духовное потрясение и перемены в общественной атмосфере.

Кирову, видимо, пришлось бы демонтировать сталинизм. Иными словами, реформы Н.С.Хрущева могли произойти на двадцать лет раньше, и притом с большим успехом, чем последние, осущест-

влявшиеся после многолетних социальных и нравственных чисток. Впрочем, шансов на победу у заговорщиков было мало. Мятеж явно запоздал. Аппарат обладал огромной силой, но "гипноз" лишил его способности к организованным действиям, парализовал естественную кастовую сплоченность и чувство самосохранения.

Сталин понял, что больше не может рассчитывать на лояльность партийной элиты. В 1935 году он приступил к планомерной замене старого аппарата, и, убирая слой за слоем, завершил ликвидацию к 1939 году. Вместе с подпольщиками погибли многие активисты, особенно поступившие на службу в первые годы Советской власти. Крупным репрессиям подверглись также военные, административно-технические и в меньшей мере научно-культурные чиновники.

Для их устранения использовались открытые, а чаще тайные судебные процессы, на которых им вменяли в вину вымышленные или подлинные, но сильно преувеличенные проступки перед режимом. Объекты террора по-прежнему считали себя принадлежностью государства и были поэтому не в состоянии дать ему какой-либо отпор. Многие из них публично соглашались с предъявленными обвинениями, видя в этом единственный способ продолжить сотрудничество с властью.

В ходе репрессий ярко проявились такие персональные особенности И.В.Сталина, как последовательность, непреклонная твердость и стремление к физической ликвидации потенциальных оппонентов. Штабом репрессивной кампании были десять-двадцать вернейших сподвижников правителя, ее исполнителем, естественно, карательный аппарат, а массовой базой - миллионы активистов, которые не боясь смертельной опасности, старались освободить для себя места в официальных учреждениях.

Чистки тридцатых годов не были новым этапом социальной революции, поскольку не повлекли никаких институциональных перемен. Все основные общественные структуры сохранились в прежнем виде, только обновился персональный состав. Строго говоря, они даже не стали государственным или партийным переворотом. Деятельность партийного аппарата не прерывалась и в самые критические для него моменты. Stalin никогда не пытался управлять помимо уставных органов. Даже ключевые решения об уничтожении старого ЦК были приняты коллегиально на февральско-мартовском

и июньском Пленумах 1937 года.

Собственно говоря, правление и после террора не стало вполне деспотичным. Сталин не захотел /или тогда не смог/ превратиться в автономный правящий институт и по-прежнему довольствовался ролью ипостаси партийной власти. Здесь заложена причина последующих кадровых чисток. Самостоятельность отдельных звеньев в новой элите явно возросла, но не настолько, чтобы стало удобно манипулировать ими. Бывшие активисты, заняв место подпольщиков, унаследовали от них некоторую способность к сплочению. Stalin чувствовал, что дистанция между ним и аппаратом недостаточно велика, и это питало его оправданную настороженность.

Неумолимое подчас отношение вождя даже к безукоризненно верным чиновникам объясняют патологическими свойствами его личности. Каковы бы ни были причины тех или иных эпизодов, общая сталинская линия диктовалась трезвым пониманием того, что новая элита, как и старая, является возможным ограничителем личного господства. Для партийной верхушки сталинизм был тем менее приемлем, чем успешнее шла ее консолидация.

Опасения Stalina подтвердились после его смерти. Победы – сначала Н.С.Хрущева над Л.П.Берия, а затем Л.И.Брежнева над Н.С.Хрущевым – доказали сплоченность элиты и ее умение дать отпор всякому претенденту на персональную власть.

Как зубов не стало, так и орехов принесли.

Общественная эволюция. Заключение. До начала 50-х.

С начала века социальные и духовные связи между людьми постепенно слабели при одновременном развитии административных связей, а затем и подъеме государственного культа. Несмотря на краткие остановки, даже повороты вспять, эта тенденция несколько десятилетий набирала силу. Доведя ее мысленно до предела, можно вообразить общество, удерживаемое жестким административным скелетом, а в остальном бесструктурное, составленное из разъединенных людей, поклоняющихся божественной высшей власти.

Однако, на практике государство не только не достигло такого состояния, но и не приблизилось к нему вплотную. Даже в

середине тридцатых годов, в момент наибольшей социальной деструкции, атомизация общества не была полной. О структурообразующих процессах внутри элиты уже говорилось. В массе малых людей тоже сохранялись, пускай и поколебленные, связи - родственные, служебные и национальные.

Официальный культ ни концептуально, ни практически, не мог целиком растворить в себе прежние социальные и нравственные установки и довольно причудливо соединялся с ними в народном сознании. В настоящем это рождало сильный душевный надрыв, а на будущее сулило перемены в государственной доктрине. Со временем пришлось включить в нее националистические, культурно-исторические и религиозные ценности, т.е. идти навстречу тем народным поверьям, которые раньше старались свести на нет. Под этот процесс пришлось подстраиваться важнейшей части культа, без которой в современных условиях он не может быть прочным-священной ненависти к врагам режима. Направляясь в революционные годы против классовых противников, она была сильнейшим фактором общественной деструкции. В сороковые и пятидесятые годы ее объектами стали уже не социальные слои, а внешние враги и внутренние национальные меньшинства. В таком виде она слабее, чем прежде, могла мешать появлению новых групповых и персональных связей.

Культуроборческие кампании того времени тоже надо рассматривать как перенос главного удара на второстепенные, наиболее уязвимые участки. Искусства и науки, далекие от духовных потребностей народа, выглядели странным и неприятным анахронизмом, а их ликвидация /искусств - полная, наук - частичная/ не представляла серьезной проблемы.

Позиции государственного культа подрывало также развитие военно-промышленных и социальных структур, в котором ощущался устойчивый привкус духовной автономии.

К началу пятидесятых годов подспудный рост общественных связей зашел довольно далеко. Официальный культ стал уже и пассивнее. Его стабильность поддерживалась только существованием особы И.В.Сталина. Поэтому большие перемены, начавшиеся после смерти правителя, оказались вполне уместны.

oooooooo